



Владимир Тарнопольский,
композитор, профессор Московской консерватории

Шостакович для меня – один из самых великих и самых любимых композиторов. Может быть, именно он глубже и отчаянней всех других выразил дух своего ужасного времени. Шостакович очень разный в разные периоды своего творчества – радикальный конструктивист и экспрессионист конца 1920-х – начала 1930-х, создатель «большого неоклассического стиля» 1930-х – начала 1950-х; пострапмовский (неожиданно!) «соцреалист» 1950-х – 1960-х, и наконец, в сочинениях последнего десятилетия он, подобно Баху и Бетховену, приходит к какому-то не поддающемуся определению вневременному, надисторическому стилю. Так бывает у самых великих. Но и внутри столь схематично обозначенных периодов он тоже парадоксально противоречив. Трагический внутренний разлом пронизывает все его творчество: в 1927 году партитура посвященной Октябрю Второй симфонии лежала на его рабочем столе рядом с рукописью сюрреалистического «Носа», «Песня о встречном» (1932) создавалась практически параллельно с оперой «Леди Макбет», а его самое едкое пародийно-сатирическое сочинение – «Антиформалистический раёк» – написано в те же месяцы, что и песня «Сталину слава!» (1948-1949)! В этом, конечно, проявляется характерное шостаковическое ёрничество, подчас доходящее до трагического юродства (как, например, у Гоголя или Достоевского). При этом нельзя не поразиться удивительному мастерству Шостаковича, умевшего блестяще работать в любом стиле и жанре – от массовой песни и оперетты до оперы и симфонии.

Что касается влияния его музыки... При всем моем высочайшем пиетете к Шостаковичу, думаю, что его творчество не оказало на меня прямого влияния. Во всяком случае, не оказал влияние его язык. На мой взгляд, настоящая любовь к тому или иному художнику не должна быть любовью насекомого, сосущего кровь из своего кумира. Более того, мне кажется, что многочисленные «прямые последователи» этого Титана сыграли в конце концов плохую службу: они девальвировали музыкальный язык Шостаковича, «растворили» его уникальные музыкальные идеи в «общих формах движения» и пустых риторических фигурах. Попросту говоря, шостаковические языковые идиомы во многом «заболтаны» многократно пережеванной риторикой.

А вот сама социально-ангажированная позиция Шостаковича, понимание музыки не как l'art pour l'art, а как мощнейшего социально-культурного явления, – эта позиция мне чрезвычайно близка. Самый ценный комплимент в своей жизни я получил от Ричарда Тарускина, который, рецензируя в Нью-Йорк Таймс мою «Кассандру», законченную за 10 дней до путча 1991 года, сравнил ситуацию ее написания с созданием некоторых сочинений Шостаковича, всегда отражавших конкретный исторический контекст.

Какое послание несет его музыка? Прежде всего, я думаю, что музыка гения всегда намного умнее и мудрее его самого. Поэтому не нужно обращать особого внимания ни на «странные» подчас высказывания самого композитора, ни на непоследовательность великого художника в различных жизненных ситуациях того ужасающего времени. Нужно слушать только саму его музыку, она сама все говорит о времени и о нас. Но если все-таки переводить в слова непере译имое, то, конечно, главное в его музыке – это трагический экзистенциальный опыт Человека мыслящего, чувствующего, страдающего и сострадающего; судьба Личности в эпоху глобальных социальных потрясений, массового террора и мировых войн. В каждой его ноте – боль и ее преодоление, «сонограмма» процесса зарождения и развития мысли, страх и внутреннее сопротивление. Для меня его музыка именно об этом.

Но есть еще один момент, о котором Шостакович не думал. Он оказался единственным из всей блестящей плеяды российских композиторов того времени, который не сдался сталинизму и умудрился в своих главных сочинениях не отступить ни на йоту от своих принципов и в конце концов – опять же, единственный из композиторов – вышел победителем, подписав своей потрясающей по силе музыкой самый страшный приговор той эпохе.